

«Ленд Хо!» — крикнул капитан «Арборской леди», когда взору предстали вымытые из камня здания Белой гавани. Джон не сводил взгляд с массивного камня, отделявшего гавань, — ПЕЧАТЬ, крепости, заброшенной Первым людям много веков назад, задолго до завоевания Эйгона. Он одобрил кольцо скорпионов и спитфайров, расположившихся на серо-зеленой скале, хотя сквозь подзорную трубу различал на ней лишь горстку людей. Чтобы добраться до ПЕЧАТИ, солдатам предстояло отплыть от Волчьего логова — разрушенного замка, охранявшего устье Белого ножа. Даже во время восстания Грейджоев ни один кракен не угрожал Белой гавани, предпочитая нападать на более слабые деревни к западу. Его друзья в Цитадели были более чем любезны. Узнав о его планах, Оуэн, Гарт и Алейн попросили прислать самое быстрое судно, на котором можно было бы добраться до севера. Гунтор Хайтауэр, рыцарь, которому Алейн приходился двоюродным братом, а Оуэн — добрым другом, попросил друзей Редвина найти самый быстрый торговый корабль, который мог бы плыть на восток или на север. Получив пропускное письмо от лорда Лейтона Хайтауэра, «Леди Арбор» направилась на север в Дорн и отправила Джона в долгожданное торговое путешествие по Браавосу и Вольным городам. Ричмены подарили ему вино, арфу из золотого дерева, а также семена яблок, персиков, винограда и других экзотических фруктов для посадки на Севере. Аллерас преподнес ему иллюминированную книгу о Южном королевстве, в которой подробно рассказывалось о нескольких вторжениях и непростых отношениях Дорна с Железным тронem. Джон обнял своих друзей, испытывая чувство вины за то, что отдал гораздо менее ценные вещи. Его самые ценные сокровища были спрятаны в сундуке под двумя комплектами одежды и прощальными подарками. У Джона было семь дневников, заполненных сотнями страниц заметок, наблюдений и рисунков. Он изобрел множество различных машин, некоторые из которых оказались практичными, а другие — совершенно безумными. Он создал странные музыкальные инструменты, механические куклы, насосы для перекачки воды, воздушные шары, кривошипы и лебедки, даже способы отвода рек для орошения, обороны и создания баррикад. Его голова была полна идей, но в шестнадцать лет у него не хватало времени, чтобы проверить и завершить свои разработки. Возможно, на Севере все изменится, — он прикрыл перья и другие металлические отливки, спрятав их в складках одежды. Когда Джон вступил на гладкую набережную, его встретили восемь человек в плотных сине-зеленых плащах с серебряными трезубцами. Они подошли ближе, и Джон различил герб Мандерли — белого тритона с темно-зелеными волосами, держащего черный трезубец в сине-зеленом море. Два мужчины опустили оружие и шагнули вперед, чтобы поприветствовать его. — Джон Сноу? — произнес один из них, более полный, но оба оказались довольно высокими, лысыми и с нелепыми густыми усами. Он удивился, как много льда скапливается на их лицах зимой, но вскоре вспомнил, что воды Узкого моря смягчают холод. — Да. Вы, должно быть, из Дома Мандерли. Я видел лорда Вимана Мандерли в Винтерфелле, но не могу вспомнить ваших имен, — сказал Джон, по-прежнему обнимая обеими руками свою тяжелую грудь. — Вайлис Мандерли. Это мой брат Вендел Мандерли. Робб Старк попросил нас оказать вам гостеприимство. Вы можете отобедать с моим отцом и нашей семьей в Мерманском дворе. — Крупный мужчина не предложил рукопожатия. — Есть ли у вас новости о моем брате Брандоне? — спросил Джон. При этих словах круглые лунные лица братьев смягчились. Второй мужчина, менее полный, но с более громким голосом, ответил: — Нет, но мы видели леди Старк несколько дней назад. Резкий взгляд Вайлиса успокоил младшего. Леди Старк не оставила бы своего раненого ребенка, если бы не было чего-то важного. Джон подумал, не попросить ли у них подробностей, но решил, что для этого потребуется хитрость и слишком много времени. — Спасибо за любезное предложение. Я отплыл, как только узнал о падении, и увижу своего брата Брана как можно скорее. Все, что мне нужно, — это провизия и быстрая лошадь, чтобы добраться до Винтерфелла. На лице старшего брата появилось выражение облегчения. Мандерли не хотели обедать с бастардом из Винтерфелла. Впрочем, и Джон сам не испытывал особого аппетита к миногам, пирогам со свиной и богатой еде, явно нравящейся большеголовым Мандерли. — У моего дяди Марлона есть лошади в Новом замке.

Он будет рад предложить вам одну, — сказал Вайлис. Новый замок был резиденцией дома Мандерли, а Марлон командовал гарнизоном. Джон кивнул. Мандерли будут рады видеть его вне Белой гавани. Он с нетерпением хотел уехать и вернуться к Роббу и Брану. Семь дней. Джон ехал тяжело и быстро, и маленький крепкий гаррон сделал все возможное, чтобы доставить его вовремя. Он не мог скакать галопом, как боевой конь, но это выносливое животное было создано для Севера, и его тощие ноги несли его вперед, бесстрашно рассекая холодные ветры. Джон поскакал вверх по Белому Ножу, а затем переправился на запад к Винтерфеллу. Он вернулся в замок по той же дороге, по которой уезжал. Прошло почти четыре года с тех пор, как он покинул свой дом в Староместе. Нет, это никогда не было его домом. Кейтилин Старк позаботилась об этом, оттолкнув его от родных братьев и сестер. Боги, за это время Робб стал бы гораздо лучшим фехтовальщиком. Он определенно проиграл бы в поединке. Джон потерял всякое желание быть рыцарем. Мечты о славе давно ушли в прошлое, уступив место дневникам и экспериментам. Джон был доволен учебой и книгами. Он не знал, закончит ли он обучение в качестве мейстера, но стал человеком науки, а не меча. К тому же на юге у него было много хороших друзей. Кроме праздников, на которых преобладали хвастовство, пьянство и драки, северяне отличались мрачностью и угрюмостью. Северяне утверждали, что их люди более благородны, чем бумажные рыцари Юга, но это было неправдой. И там, и там было добро и зло, а в Винтерфелле можно было встретить таких жестоких шутов, как Лео Тирелл. Он бы в любой день принял Оуэна Фоссоуэя за Теона Грейджоя. Джон любил своих родных братьев и сестер, но подружился с новой стаей — Оуэном, Алейн, Гартон, Руном, Харлином, третьим и четвертым сыновьями, которым было все равно, что он бастард. И Джон скучал по Алейн. Она была забавной и умной, загадочной, как сфинкс, одаренной искрометным остроумием и бесконечным любопытством. Даже он, зелёный влюблённый мальчишка, понимал, что значит визит в Дорн. Джон почувствовал, что его лошадь дрожит, ещё до того, как услышал вой. Гаррон остановился, пригнувшись и переминаясь с ноги на ногу. Затем Джон увидел зверя. Он был крупнее всех волков, которых Джон когда-либо видел: с дымчато-серым мехом и желтыми глазами, высотой почти до пояса. Джон знал, что даже хорошо отдохнувшая маленькая лошадка не сможет спастись от голодного волка. Его правая рука лежала на коротком кинжале, а левая успокаивала дрожащего Гаррона. Внезапно Джон почувствовал чье-то присутствие справа и повернулся.